

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

ПУТИ РОССИИ

«ЭХО»

1969

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

ПУТИ РОССИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

II ИЗДАНИЕ

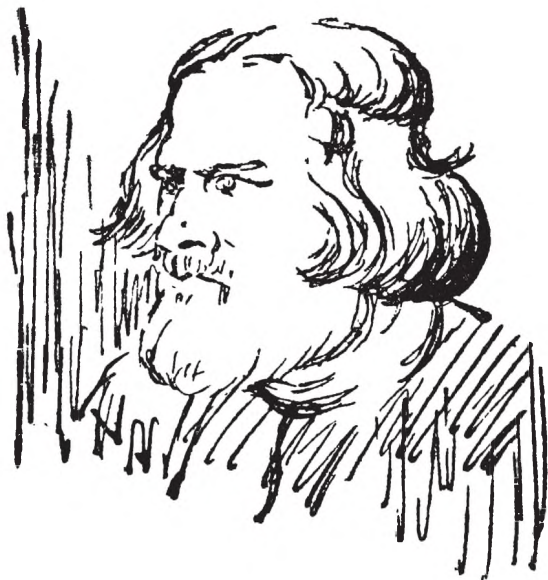
Под редакцией
Вяч. Завалишина

«ЭХО»

1969

*« Выпросил у Бога светлую Россию
Сатана, да очервленил ю кровью мучени-
ческой ».*

Протопоп Аввакум



(1877-1932)

Рисунок А. Габричевского.

СОДЕРЖАНИЕ

Максимилиан Волошин	9
---------------------	---

ПУТИ РОССИИ

Стенькин суд	15
Дмитрий император	18
Святая Русь	22
Преосуществление	24
Ангел времен	26

АНГЕЛ МЩЕНЬЯ

Ангел мщенья	31
Россия	33
Мир	35
Из бездны	36
Русь глухонемая	38
Родина	39

СТИХИ О ТЕРРОРЕ

Северовосток	43
Гражданская война	46

Терминология	48
Красная весна	49
Бойня	51
Террор	53
На дне преисподней	54
Готовность	55
Заклятие	56
Потомкам	57

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Дикое поле	61
Бегство	65
Россия	67
Заклинание о русской земле	79
Русь!	82
На башне смерть	83
Библиография	85

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН (1877-1932)

Максимилиан Волошин — крупный поэт, выдающийся искусствовед, незаурядный художник, талантливый переводчик. Полная его фамилия — Кириенко-Волошин. По отцу — он из старого казачьего рода. Получил разностороннее образование. Долго жил во Франции, преимущественно в Париже.

Его стихотворения и статьи по вопросам искусства печатались в журналах «Золотое руно», «Аполлон» и других. Очерки Волошина о художниках и о живописи вообще — все еще полностью не собраны в отдельную книгу, а ведь Волошин — блестящий и своеобразный критик предреволюционного искусства *). Он высказывал оригинальные взгляды на творчество Сурикова, Нестерова, Богатевского и ряда других русских художников. Не все эти очерки опубликованы — его старая работа о Сурикове была напечатана в журнале «Радуга» уже после смерти Сталина. Высказывания Волошина о творчестве недооцененного и умершего в опале художника Павла Филонова — если полученная нами информация соответствует действительности — все еще не напечатаны.

*) Часть эссе Максимилиана Волошина была выпущена в Берлине отдельным изданием, ставшем библиографической редкостью.

Волошин, как поэт и искусствовед, был человеком двух культур : французской и русской, причем исконно русской. В его поэзии улавливается влияние Верхарна и французских Парнасцев, но в то же время все это, идущее от Запада, породнено с русским фольклором, с древнерусской поэзией, со словами и ритмикой знаменных распевов.

Октябрьская революция застигла Максимилиана Волошина в Крыму, в Коктебеле, где у него был свой дом. Андрей Седых в своей книге « Далекое, близкое » рассказывает, что когда в Крыму были белые, Волошин заступался за красных, использовал все свое влияние для того, чтобы защитить арестованных, смягчить их участь. Белые, зная Волошина как деятеля русской культуры, в некоторых случаях шли ему навстречу. Когда же в Крым пришли красные, то Волошин стал защитником преследуемых белых, ходатаем за них. Этого Волошину не простили : он был взят под подозрение.

Волошин напечатал свой первый сборник стихотворений в 1910-ом году. В революционные и пореволюционные годы он встал во весь рост как значительный поэт. Во всяком случае, творчество его — новое явление в русской пореволюционной поэзии. « Демоны глухонемые » были впервые напечатаны в 1919-ом году в Харькове. В 1923-ем году они были переизданы в Берлине. В том же году в Берлине были напечатаны « Стихи о терроре ». Волошина мало знают, потому что в Советском Союзе далеко не со всех его стихотворений снят запрет. Сам Волошин говорил о себе, что ему

был суждено при жизни «стать не книгой, а тетрадкой».

Да, это верно. Но зато какой тетрадкой! Такой, которую переписывали от руки, перепечатывали на машинках, размножали на гектографах. То была подпольная поэзия, но такого высокого качества, перед которой бледнеют стихи тех, кого печатали в Советском Союзе. Чем же дорога новым поколениям поэзия Волошина?

Тем, что стихи его написаны кровью сердца, и тем, что они содержат страшную правду о революции и революционном терроре. Тот, кто вчитывался в стихи Максимилиана Волошина, поймет, почувствует, что апологетическим одам поэтов, прославляющих революцию, он противопоставил апокалипсическое видение мира, взорванного революцией. Волошин — поэт революционных катастроф и социальных потрясений. Вряд ли русская пореволюционная поэзия знает другого мастера, который бы так почувствовал трагедию и апокалиптичность русской революции и принял близко к сердцу страдание и горе, которое она несет отдельным людям, России, всему человечеству.

Волошин, как мало кто, обладал даром превращать исконно и характерно русское во всечеловеческое.

Для Волошина характерно нео-пифагорейское отношение к истории, причем сам этот нео-пифагореизм, по всей вероятности, объясняется влиянием Михаила Нострадамуса — великого поэта, врача и ученого XVI века, которого Волошин ценил. Для Волошина, как и для Нострадамуса, история повторяется, вернее, не повторяется, а разви-

вается по спирали, или же подобна мерному ходу волн, постепенно увеличивающих свою силу.

Тот, кто хочет понять подход Волошина к русской истории должен знать, что это — именно нео-пифагорейский подход. После этого ясно, почему Волошин говорит, что «Великий Петр был первый большевик», как ясно и то, почему поэт находит, что в Октябрьской революции воскресли три российских мятежника: Гришка Отрепьев, Стенька Разин и Емелька Пугачев.

Для Волошина, как и для выдающегося русского религиозного мыслителя Алексеева-Аскольдова, душа русского народа это — свято-зверь. Русский человек — это человек крайностей: он или святой или злой дух. В революции злой дух и полонил Россию. Но изображая ожесточенный бой белых и красных, Максимилиан Волошин молился и за тех и за других. Он молится за то, чтобы в русское народное сердце, после посещения его злым духом, вернулась былая святость.

Этот небольшой сборник выходит уже вторым изданием, пересмотренным, исправленным и дополненным. Первое издание вышло в 1946-ом году в Германии. Это переиздание тем более своевременное, что в Советском Союзе стихотворения Максимилиана Волошина не переиздаются, несмотря на его частичную реабилитацию как поэта и искусствоведа.

Мы надеемся, что этот сборник стихов Волошина до некоторой степени заполнит пробел и привлечет внимание читателя.

Вячеслав Завалишин

Пути России

СТЕНЬКИН СУД

У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевый от Змея Горынского,
Жду вестей из полуношных стран.

Все ль, как прежде, сияет, не сглазена,
Православных церквей лепота?
Проклинают ли Стеньку в них Разина
В воскресенье, в начале поста?

Зажигают ли свечи, да сальные
В них вместо свечей восковых?
Воеводы порядки охальные
Все ль блюдут в воеводствах своих?

Благолепная, да многохрамая...
А из ней — хоть святых выноси.
Что-то, чую, приходит пора моя
Погулять по Святой по Руси.

Как бывало казацкая, дерзкая
На Царицын, Симбирск, на Хвалынь
Гребенская, Донская, да Терская
Собиралась ватажить сарынь.

Да на первом, на струге, на « Соколе »
С полюбовницей, пленной княжной,
Разгулявшись свистали да цокали,
Да неслись по-над Волгой стрелой.

Да как кликнешь сподружных приспешников :
— Васька-Ус, Шелудяк, да Кабан!
Вы ступайте пощупать помещиков,
Воевод да попов, да дворян!

Позаймитесь-ка барскими гнездами,
Припустите к ним псов полютей,
На столбах с перекладиной гроздами
Поразвесьте собачьих детей!

Хорошо на Руси я попраздновал,
Погулял, и поел, и попил,
И за все, что творил неуказного
Лютой смертью своей заплатил.

Принимали нас с честью и с ласкою,
Выходили хлеб-солью встречать,
Как в священных цепях да с опаскою
Привезли на Москву показать.

Уж по-царски уважили пыткой,
Разымали мне каждый сустав

Да крестили смолой меня жидкою,
У семи хоронили застав.

И, как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь.
Так за то на расправу на правую,
Сам судьей на Москву ворочусь.

Развяжу, разсужу, не помилую,
Кто хлопы, кто попы, кто паны...
И узнаете : как пред могилою
Так пред Стенькой все люди равны.

Мне к чему царевать да насиловать :
А чтобы равен был всякому всяк...
Тут пойдут их голубчиков миловать,
Приласкают Московских собак.

Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех —
Пообрубят им рученьки, ноженьки;
Пусть поползают людям на смех.

И за мною не токмо что драная
Гольтьба, а казной расшибусь —
Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.

Мы устроим в стране благолепье вам, —
Как восставши из мертвых с мечем,
Три Угродника — с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой придем Пугачем.

ДМИТРИЙ ИМПЕРАТОР

1591 — 1613 гг.

Убиенный много и возставый,
Двадцать лет со славой правил я
Отчею Московскою державой,
И години более кровавой
Не видала русская земля.

В Угличе, сжимая горсть орешков
Детской окровавленной рукой,
Я лежал, а мать, в сенях замешкав,
Голосила, плача надо мной.
С перерезанным наотмашь горлом
Я лежал в могиле десять лет,
И рука Господняя простерла
Над Москвой полетье лютых бед.

Голод был, какого не видали.
Хлеб пекли из кала и мезги.
Землю ели. Бабы продавали
С человеческим мясом пироги.

Проклиная царство Годунова,
Толпы толп без хлеба и без крова
Мерли у набитых закровов.

И разъялась земная утроба,
И на зов стнящих голосов
Вышел я, замученный, из гроба.
По Руси, что вихрь засвистал,
Освещал свой путь двойной луною,
Пасолнцы на небе засвечал.
Шестернею в полночь над Москвою
Мчал, бичом по маковкам хлестал.
Вихрь-витной гулял я в ратном поле,
На Московском венчаный престоле
Древним Мономаховым венцом,
С белой панной, с лебедью, с Мариной,
Я, живой и мертвый, но единый
Обручался заклтым кольцом.

Но Москва дыхнула дыхом злобным,
Мертвый я лежал на месте Лобном
В черной маске с дудкою в руке,
А кругом, вблизи и вдалеке,
Огоньки болотные горели,
Бубны били, плакали, сопели,
Песни пели бесы на реке...
Не видала Русь такого сраму!...
А когда свезли меня на яму,
И свалили в смрадную дыру,
Из могилы тело выходило
И лежало цело на яру.
И земля меня не принимала.
И вода от трупа отливала,

На куски разрезали, сожгли,
Пепл собрали, пушку зарядили,
С четырех застав Москвы палили
На четыре стороны земли.

Тут тогда меня уж стало много :
Я пошел из Польши, из Литвы,
Из Путивля, Астрахани, Пскова,
Из Оскола, Ливен, из Москвы...
Понапрасно в обличенье Вора
Царь Василий, не стыдясь позора
Детский труп из Углича опять
Вез в Москву народу показать,
Чтобы я на Царском на призоре
Почивал в Архангельском Соборе,
Да сидела у могилы мать.

А Марина в Тушино бежала,
И меня живого обнимала,
И, собрав неслыханную рать,
Подступал я вновь к Москве со славой —
А потом лежал в снегу безглавый,
В городе Калуге над Окой,
Умерщвлен татарами и жмудью...
А Марина, с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлою рекой.
И, кружась по-над Москвой, во гневе,
Воскрешала новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве.

И пошли на нас со всех концов.
И неслись мы парой сизых чаек

Вдоль по Волге, Каспию, на Яик,
Тут и взяли царские стрелки
Лебеденка с Лебедью в силки.

Вся Москва собралась, что к обедне,
Как младенца — шел мне третий год —
Да казнили казнию последней
Около Серпуховских ворот.

Так, смущая Русь судьбою дивной,
Четверть века мертвый, неизбывный
Правил я лихой годиной бед —
И опять приду чрез триста лет.

19 декабря 1917 г.

СВЯТАЯ РУСЬ

Суздаль и Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали,
Да тугую золотом суму
В рундуках приданое копили,
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко,
Окнами на пять земных морей.
Из невест красой, да силой бранной
Не была ль ты самою желанной
Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любы
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям — кочевья без дорог,
Вольныя раздолья, да вериги,
Самозванцы, воры да разстриги,
Соловьиный посвист да острог.

Быть Царевой ты не захотела.
Уж такое подвернулось дело —
Враг шептал : « развей да расточи,
Ты отдай казну свою — богатым,
Власть — холопам, силу — супостатам,
Смердам — честь, изменикам — ключи ».

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла усадьбы и хлеба,
Разорила древнее жилище,
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, —
Ты, бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

19 ноября 1917

ПРЕОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

К. О. Богаевскому

*« Postquam devastationem XL. aut amplius
dies Roma fuit ita desolata; ut nemo ibi ho-
minum; nisi bestiae morarentur ».*

Marcellini Commentarii.

В глухую ночь шестого века,
Когда был мир и Рим простерт
Перед лицом Германских орд
И Гот теснил и грабил Грека,
И грудь земли и мрамор плит
Гудели топотом копыт,
И лишь монах, писавший « Акты
Остготских королей », следил
С высот оснеженной Соракты,
Как на равнине средь могил
Бродил огонь и клубы дыма,
И конницы взметали прах
На желтых Тибрских берегах, —
В те дни все население Рима
Тотила приказал изгнать.

И сорок дней был Рим безлюден.
Лишь зверь бродил средь улиц. Чуден
Был Вечный Град : ни огонь сглотать,
Ни варвар стены разобрать

Его чертогов не успели.
Он был велик и пуст, и дик,
Как первозданный материк.
В молчаньи вещем цепенели,
Столпившись, как безумный бред,
Его камней нагроможденья —
Все вековые отложения
Завоеваний и побед :
Трофеи и обломки тронов,
Священный Путь, где камень стерт
Стопами медных легионов
И торжествующих когорт,
Водопроводы и аркады,
Неимоверные громады
Дворцов и ярусы колонн,
Сжимая и тесня друг друга,
Загромождая небосклон
И горизонт земного круга.
И в этот безысходный час,
Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья,
И древний Рим исчез во мгле,
Свершилось преосуществленье
Всемирной власти на земле :
Орлиная разжалась лапа
И выпал мир. И принял Папа
Державу и престол воздвиг.
И новый Рим процвел — велик,
И необъятен, как стихия.
Так семя, дабы прорости,
Должно истлеть...

Истлей, Россия,
И царством духа расцвети!

АНГЕЛ ВРЕМЕН

В. Л. Рюминой

Держа в руке живой и влажный шар,
Клубящийся и дышащий, как пар,
Лоснящийся здесь зеленью, там костью,
Струящийся, как жидкий хризолит,
Он говорил, узакивая тростью :

Пойми земли меняющийся вид,
Материков живые сочетанья,
Их органы, их формы, их названья
Водами Океана рождены.

И вот она — подобная кораллу.
Приросшая к Кавказу и к Уралу,
Земля морей и полуостровов,
Здесь вздутая, там сдавленная узко,
В парче лесов и в панцире хребтов
Жемчужица огромного моллюска,
Атлантикой рожденная из пен, —
Опаснейшая из морских сирен.

Страстей ея горючие сплетенья
Мерцают звездами на токах вод, —
Извилистых и сложных, как растенья.
Она водами дышит и живет.
Ее провидели в лучистой сфере
Блудницею, сидящею на звере,
На водах многих с чашею в руке
И девушкой, лежащей на быке.

Полярным льдам уста ея открыты,
У пояса, среди сапфирных влаг,
Как пчельный рой у чресел Афродиты
Раскинул острова Архипелаг.

Сюда ведут страстных желаний тропы,
Здесь матерние органы Европы,
Здесь, жгучие дрожанья затая, —
В глубоких влуминах укрытая стихия,
Чувствовалище и похотник ея, —
Безумила народы Византия.

И здесь, как муж, поял ее Ислам :
Воль Азии вершитель и предстатель —
Сквозь Бычий Ход Махмут завоеватель
Проник к ея заветным берегам.

И начала и понесла во чреве
Русь — третий Рим — слепой и страстный плод :—
Да зачатое в пламени и гнев
Собой восток и запад сопряжет!

Но роковым охвачен нетерпеньем,
Все исказил неистовый Хирург,

Что кесаревым вылушил сеченьем
Незрелый плод Славянства — Петербург.

Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня.
В нем брезжит солнце завтрашнего дня.
И крест его — всемирное служенье.

Двойным путем ведет его судьба —
Она и в имени его двуглава :
Пусть sclawus раб, но Славия есть СЛАВА :
Победный нимб над головой раба!
В тисках войны сейчас еще томится
Все, что живет, и все, что будет жить,
Как солнца бег нельзя предотвратить, —
Зачатое не может не родиться.

В крушеньях царств, в самосожженьях зла
Душа народов ширилась и крепла.
России нет — она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!

20 мая 1918 г.

Ангел мщенья

АНГЕЛ МЩЕНЬЯ

(1906 г.)

Народу Русскому : Я скорбный Ангел Мщенья!
Я в раны черные — в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой — набат. Хоругвь моя — как кровь.
На буйных очагах народного витийства,
Как призраки, взрощу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую — кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость.
Я грезы счастья слезами затоплю.
Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю,
О камни мостовых, которых лишь однажды
Коснулась кровь! я ведаю ваш счет.
Я камни заклянута заклятьем вечной жажды,
И кровь за кровь без меры потечет.
Скажи восставшему : Я злую едкость стали
Придам в твоих руках картонному мечу!
На стогнах городов, где женщин истязали,

Я « знаки Рыб » на стенах начерчу.
Я синим пламенем пройду в душе народа.
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я « свобода »!,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу : « Завет мой — Справедливость! »
И враг прочтет : « Пощады больше нет »...
Убийству я придам манящую красоту.
И в душу мстителя вопьется страстный бред.
Меч справедливости — карающий и мстящий —
Отдам во власть толпе. И он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий —
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.
Я каждому скажу : « Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух ».
И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,
И звать других... Но каждый будет глух.
Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачем иль жертвой палача.

1906 г. Париж

РОССИЯ

(1915 г.)

Враждующих скорбный гений
Братским вяжем узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвывается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе? —
Пребудь смиренной и бедной —
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно освещенной
Всей красотой земли

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
На отмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленной верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

17 августа 1915 г. Биарриц.

МИР

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах : не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи.
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

23 ноября 1917 г. Коктебель.

ИЗ БЕЗДНЫ

А. А. Новинскому

Полночные вздулись воды,
И ярость взметенных толп
Шатает имперский столп
И древние рушит своды.
Ни выхода, ни огня...
Времен исполнилась мера.
Отчего же такая вера
Переполняет меня?
Для разума нет исхода.
Но дух ему вопреки
И в бездне чует ростки
Неведомого всхода.
Пусть бесы земных разрух
Клубятся смерчем огромным —
Ах, в самом косном и темном
Пленен мировой дух!
Бичами страстей гонимы —
Распятые серафимы
Заточены в плоть :

Их жалит горящим жалом,
Торопит гореть Господь.
Я вижу в большом и малом
Водовороты комет...
Из бездны — со дня паденья
Благославляю цветенье
Твое — всестрастной свет!

14 января 1918 г.

РУСЬ ГЛУХОНЕМАЯ

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый :
Со скрежетом и в пене он
Валялся корчами объятый.
— « Изыди, дух глухонемой! » —
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел —
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал :
 « Сей род упорен :
Молитвой только и постом
Его природа одолима ».

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украва твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы : Прийди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет : — « Бес, изыди! ».

6 января 1918 г.

РОДИНА

*« Каждый побрел в свою сторону
И никто не спасет тебя ».*

*(Слова Исайи, открывшиеся, в ночь
на 1918 г.)*

И каждый прочь побрел вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем.
Еще томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон — твоя
Мечта в страданиях изжитая
И неосуществленная...
Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы
И не окончена борьба, —
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славии — в смиреньи,
В непротивлении раба;

Что искус дан тебе суровый :
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И части воспринять Христовой
От грешников и от блудниц;

Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

30 мая 1918 г.

Стихи о терроре

СЕВЕРОВОСТОК

*« Да будет благословен приход твой —
Бич Бога, которому я служу, и не мне
останавливать тебя ».*

*Слова архиепископа Труаского,
обращенные к Атилле.*

Расплясались разгулялись бесы
По России вдоль и поперек, —
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный Северовосток.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых океанов,
Красных туч и пламенных годин.

Этот ветер был нам верным другом
На распутье всех лихих дорог —
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль на северовосток.

Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба.
В этом ветре — вся судьба России —
Страшная безумная судьба.

В этом ветре — гнев веков свинцовых,
Русь Малют, Иванов, Годуновых —
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса —
Чертогона, вихря, свистопляса —
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья?
Тот же ураган на всех путях :
В комиссарах — дух самодержавья,
Взрывы Революции — в царях.

Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества —
Тот же хмель и та же трын-трава.

Ныне-ль, даве-ль? — все одно и то же :
Волчьи морды, машкеры и рожи,
Спертый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей
Жгучий свист шпицрутенгов и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,

Замыслы неистовых хирургов,
И размах заплечных мастеров,

Сотни лет тупых и зверских пыток,
И еще не весь развернут свиток,
И не замкнут список палачей :
Бред разведок, ужас чрезвычайек —
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик
Не видали времени горчей.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами —
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идем по ледяным пустыням —
Не дойдем... и в снежной вьюге сгинем,
Иль найдем поруганный наш храм —
Нам-ли весить замысел Господний?
Все пойдем, все вынесем любя —
Жгучий ветер полярной Преисподней
Божий Бич — приветствую тебя!

1920 г. Перед приходом советской
власти в Крым. Коктебель.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Одни возстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.
Другие из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.
В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив разбойный древний дух
Зарудских, Стенек, Кудеяров.
В других, лишенных всех корней,
Тлетворный дух столицы Невской,
Толстой и Чехов, Достоевский —
Надрыв и смута наших дней.
Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле.
В других — весь цвет и гниль империй,

Все золото, весь тлен идей,
Прах всех богов и фетишей,
Научных вер и суеверий.
Одни идут освободить
Москву и вновь ковать стихию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.
В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,
А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаяй жадной
Размыкать и продать врагам,
Сгноить ея пшеницы груды,
Ея бесчестить небеса,
Пожрать богатство, сжечь леса
И высосать моря и руды.
И не смолкает грохот битв,
Средь золотых великолепий
Конями вытоптаннных жнитв,
И здесь и там между рядами
Звучит один и тот же глас :
« Кто не за нас — тот против нас
Нет безразличных, правда — с нами ».
А я стою один меж ними
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

1920 г. При Врангеле. Коктебель.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

« Брали на мушку », « ставили к стенке »,
« Списывали в расход » —
Так изменялись из года в год
Быта и речи оттенки.
« Хлопнуть », « угробить », « отправить на
шлепку »,
« К Духонину в штаб », « разменять » —
Проще и хлеще нельзя передать
Нашу кровавую трепку.
Правду выпытывали из под ногтей,
В шею вставляли фугасы,
« Шили погоны », « кроили лампасы »,
« Делали однорогих чертей ».
Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разорить и поднять на ножи
Армии, царства, народы.
Всем нам стоять на последней черте,
Всем нам валяться на вшивой подстилке,
Всем быть распластанным — с пулей в затылке
И со штыком в животе.

1921, 29 IV. Симферополь.

КРАСНАЯ ВЕСНА

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей, и стаи псов
Въедались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах,
А под окном стучали пулеметы,
Свистя, как бич по мясу обнаженных
Мужских и женских тел. Весна пришла.
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались недоноски —
Безрукие, безглазые. Не грязь,
А сукровица поползла по скатам,
Под талым снегом обнажились кости,
Подснежники мерцали точно свечи,
Фиалки пахли гнилью, ландыш — тленьем,
Стволы деревьев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными, а зелень злаков
Была опалена огнем и зноем.
Лицо природы искажалось гневом

И ужасом.

А души, вырванных
Насильственно из жизни — вились в ветре,
Носились по дорогам в пыльных вихрях,
Безумили живых могильным хмелем
Неизжитых страстей, неутоленной жизни,
Плодили мщенье, панику, заразу.
Зима была в тот год Страстной неделей
И красный май сплелся с кровавой Пасхой.
Но в ту весну Христос не воскресал.

1920 г. 21. IV. Симферополь.

БОЙНЯ

Отчего встречаясь бледнеют люди
И не смеют друг другу глядеть в глаза?
Отчего у девушек в белых повязках
Восковые лица и круги у глаз?
Отчего под вечер пустеет город?
Для кого солдаты оцепляют путь?
Зачем с таким лязгом распахивают ворота?
Сколько сегодня — полтораста? сто?
Куда их гонят вдоль темных улиц,
Ослепших окон, глухих дверей?
Как рвет и крутит восточный ветер
И жжет и режет и бьет плетьюми!
Отчего за Чумной по дороге к свалкам
Брошен скомканный кружевной платок?
Зачем уронен клочек бумаги,
Перчатка, нательный крестик, чулок?
Чье имя написано карандашом на камне?
Что нацарапано гвоздем на стене?
Чей голос грубо оборвал команду?
Почему так сразу стихли шаги?
Что хлестнуло во мраке так резко и четко?

Что делали торопливо и молча потом?
Отчего уходя затянули песню?
Кто стонал так долго, а после стих?
Чье ухо вслушивалось в шорохи ночи?
Кто бежал, оставляя кровавый след?
Кто стучался и бился в ворота и ставни?
Раскрылась ли чьянибудь дверь перед ним?
Отчего пред рассветом к исходу ночи
Причитает ветер за карантинном?
« Носят ведрами спелые грозди,
Валят ягоды в глубокой ров... »
« Ах не грозди носят — юношей гонят
К черному точилу — давят вино ».
Пулеметом дробят их кости и кольем
Протыкают яму до самого дня...
Уже до края полно точило кровью,
Зачернели терновник и полынь кругом —
Прохватит морозом свежая грозди,
Зажелтеет плоть, заиндевеют волосы ».
Кто у часовни Ильи пророка
На рассвете плачет, закрывая лицо?
Кого отгоняют прикладами солдаты :
« Не реви : собакам собачья смерть ».
А она не уходит, и все плачет и плачет,
И отвечает, солдату глядя в глаза :
« Разве я плачу о тех, кто умер?
— Плачу о тех, кому долго жить ».

1921. Коктебель.

ТЕРРОР

Собирались на работу ночью. Читали
Донесения, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.
С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Вызывали по спискам мужчин, женщин,
Сгоняли на темный двор,
Снимали с них обувь, белье, платье,
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.
Ночью гнали разутых, голодных,
По оледенелой земле,
Под северо-восточным ветром
За город, в пустыри.
Загоняли прикладами на край обрыва,
Освещали ручным фонарем.
Пол минуты работали пулеметы.
Приканчивали штыком.
Еще не добытых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город, домой.
А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю, грызлись за кости,
Целовали милую плоть.

НА ДНЕ ПРЕИСПОДНЕЙ

Памяти А. Блока и Н. Гумилева

С каждым днем все диче и все глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит.
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.
Темен жребий русского поэта :
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.
Может быть такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь,
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.
Доканает голод или злоба, —
Но судьбы не изберу иной :
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.

Ноябрь, 1921. Феодосия, в больнице.

ГОТОВНОСТЬ

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещение
Совести, огня и вод?

Апокалиптическому Зверю,
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде — верю.

Верю в правоту верховных сил
Расковавших древния стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: « Ты прав, что так судил ».

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало —
Господи! — вот плоть моя.

Ноябрь 1921. Феодосия.

ЗАКЛЯТИЕ

Из крови пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, изступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее одну молюсь
И верю замыслам предвечным :
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгущих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

1920. Коктебель.

ПОТОМКАМ

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут : все знаки слижет пламя
И выест кровь слепые письма.
Но может быть благоговейно память
Случайно стих изустно передаст,
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой :
Свидетели великого распада —
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматая светила,
Прообразы последнего Суда,
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы Революций!

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак, и брань, и мор, и трус, и глад —
Застигли нас посреди дороги,

Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек — один другому — дьявол,
Кровь — спайкой душ. Борьба за жизнь —
законом

И долгом — месть.

Но мы не покорились!

Ослушники законов естества —
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви. И в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей. Мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине.
В огне застенков выплавили радость
О преосуществлении человека,
И никогда не грезили прекрасней
И пламенней — его последних судеб.

Далекие потомки наши! Знайте,
Что если вы живете во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью,
Где человечеством преодолен
Закон необходимости и смерти —
То в этом мире есть и наша доля!

1922. 21. V. Дорога между Симферополем и
Феодосией.

Стихотворения
разных лет

ДИКОЕ ПОЛЕ

Голубые просторы, туманы,
Ковыли да полынь, да бурьяны,
Ширь земли да небесная лепь...
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
«Да темна Кимерийская степь».
Вся могильниками покрыта —
Без имен, без конца, без числа,
Вся копытом да конями взрыта,
Костью сеяна, кровью полита.
Да народной тугой поросла.
Только ветер закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет, развалист и хляб —
По оврагам, увалам, излогам,
По немеренным скифским дорогам,
Меж курганов да каменных баб.
Вихрит вихрями клочья бурьяна,
И гудит, и звонит, и поет...

Эти порища — дно океана,
От великих обсякшие вод.
Распалял их полуденный огонь.
Индевела заречная синь,
Заползла желтолицая погань
Азиатских бездонных пустынь.
За Хозарами шли Печенеги...
Ржали кони, пестрели шатры,
Пред рассветом скрипели телеги,
По ночам разгорались костры,
Раздувались обозами тропы
Перегруженных степей,
На зубчатые стены Европы
Низвергались внезапно потопа
Колченогих, раскосых людей.
И орлы на Равенских воротах
Исчезали в водоворотах
Всадников и лошадей.
Было много их — люты, хоробры,
Но изгибли, изникли, как обры,
В темной распре улусов и ханств,
И смерчи, что росли и сшибались,
Разошлись, растеклись, растерялись,
Средь степных, безысходных пространств.

Долго Русь разбирали по клочьям
И уобицы, и Татарва...
Но в лесах по речным узорочьям
Завязалась узлом Москва.
Кремль, оваянный сказочной славой,
Встал в парче облачений и риз,

Белокаменный и златоглавый
Над скудою закуренных изб.
Отразился в лазоревой ленте,
Разлитой по лугам-муравам,
Аристотелем Фиоравенти
На Москва-реке строенный храм.
И московские Иоанны
На татарские веси и страны
Наложили тяжелую пядь,
И пятой наступили на степи...
От кремлевских тугих благолепий
Стало трудно в Москве дышать.
Гольтьбу с тесноты да с певом
Потянуло на Дикое Поле
Под высокий степной небосклон :
С топором, да с косой, да с оралом
Уходили на север к Уралам,
Убегали за Волгу, на Дон.
Их разлет был широк и несвязен,
Жгли, рубили, вжимали ясак...
Правил парус на Персию Разин,
И Сибирь покори́л Ермак.
С Беломорья до Приазовья
Подымались на клич удальцов
Воровские круги Понизовья
Да низы вечевых городов.
Лишь Никола угодник, Егорий,
Волчий пастырь, строитель земли,
Знают были пустынь и поморий,
Где казацкие кости легли.

Русь, встречай роковые години :
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печерских церквей.
Все, что было, повторится ныне,
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне :
В небе — Бог, на земле — богатырь.
Эх! Не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь...
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь.

БЕГСТВО

*Посвящается матросам: Врублевскому,
Малишевскому и Борисову.*

Кто верит в жизнь, тот верит в чудо,
И счастье сам в себе несет.
Товарищи! Я не забуду
Наш Черноморский переход.

Одесский порт — баркасы, боты,
Фелюг пузатые борта,
Снастей живая теснота,
Канаты, мачты, стены, шкоты...

Раскраску пестрых их боков —
Линялых, выеденных солью
И солнцем выжженных тонов
Привыкших к водному раздолю.

Якорь, опертый на бизань —
Бурый с клешнями, как у раков,
Покинутая Березань,
Полуразрушенный Очаков.

Уж видно Тендерову косу,
И скрылись черни роц Кинбурна.
Крепчает ветер, вышит бурно
И треплет кливер на носу.

То было в дни, когда над морем
Господствовал французский флот.
И к Крыму из Одессы ход
Для морехода был затворен.

К нам миноносец подбегал,
Опрашивал, смотрел бумагу.
Я буржуа изображал,
А вы — рыбацкую ватагу.

Когда нас быстрый пулемет
Хлестнул в заливе Ак-мечети,
Как помню я минуты эти
И вашей ругани полет.

Потом поместья Воронцовых
И ночью резвый бег коней,
Среди гниющих Сивашей
В снегах равнин солончаковых.

Мел белых хижин под луной,
Над дальним морем блеск волшебный,
Степных угодий запах хлебный,
Коровий, влажный и парной.

И русые при первом свете
Поля, и на краю полей
Евпаторийские мечети
И мачты пленных кораблей.

РОССИЯ

Фрагменты неоконченной поэмы

С Руси тянуло выстуженным ветром.
Над Карадагом сбились груды туч.
На берег опрокидывались волны
Нечастые и тяжкие. Во сне
Как тяжело больной вздыхало море,
Ворочаясь со стоном. Этой ночью
Со дна души вздувалось, нагрубало
Мучительно-бесформенное чувство
Безмерное и смутное — Россия...

Как-будто бы во мне самом легла
Бескрайная и тусклая равнина
Белесою лоснящаяся тьмой,
Остуженная жгучими ветрами.
В молчании вился морозный прах :
Ни выстрелов, ни зарев, ни пожаров :
Мерцали солью топи Сиваша,
Да камыши шуршали на Кубани,
Да стыл Кронштадт... Украина и Дон,
Урал, Сибирь и Польша — все молчало.

Лишь горький снег могилы заметал.
...Я нес в себе — багровый, как гнойник,
Горячечный и триумфальный город,
Построенный на трупах, на костях
« Всея Руси » — во мраке финских топей,
Со шпильями церквей и кораблей,
С застенками подводных казематов,
С водой стоячей, вправленной в гранит,
С дворцами цвета пламени и мяса,
С белесоватым мороком ночей,
С алтарным камнем финских чернобогов,
Растоптанным копытами коня,
И с озаренным лаврами и гневом
Безумным ликом медного Петра.
В болотной мгле клубились клочья марев :
Российских дел неизжитые сны...

Царь, пьяным делом, вздернувши на дыбу,
Допрашивает Стрешнева : « Скажи,
Твой сын я, али нет? », а Стрешнев с дыбы :
« А чорт ты знает чей ты... много нас
У матушки-царицы переспало »...

В конклаве всешутейшего собора
На медведях, на свиньях, на козлах,
Здрав полы духовных облачений,
Царь в чине протодьякона ведет
По Петербургу машкерную одурь.

В кунсткамере хранится голова
Как монстра заспиртованная в банке
Красавицы Марии Гамильтон...

В застенке Трубецкого Равелина
Пытает царь царевича и кровь
Засеченного льет по кнутовищу...

Стрелец в Москве у плахи говорит :

« Посторонись-ка, царь, мое здесь место ».
Народ уж знает свычаи царей
И свой удел в строительстве империй.

Кровавый пар столбом стоит над Русью,
Топор Петра российский ломит бор
И вдаль ведет проспекты страшных просек,
Покамест сам великий дровосек
Не валится, удушенный рукою —
Водянки? иль предательства? как знать...
Но вздутая, таинственная маска
С лица усопшего хранит следы
Не то петли, а, может быть, подушки.
Зажатое в державном кулаке
Зверье Петра кидается на волю :
Царица из солдатских портомой,
Волк —Меньшиков, Стервятник — Ягужинский,
Лиса — Толстой, куница Остерман —
Клыками рвут российское наследство.

Петр написал коснеющей рукой :
« Отдайте все... » Судьба же дописала :
« ...распутным бабам с ихним любовью ».

Елисавета с хохотом, без гнева,
Развязному курьеру говорит :
« Не лапай, дуралей, не про тебя де
Печь топится ». А печи в те поры
Топились часто, истово и жарко
У цесаревен и императриц.
Российский двор стирает все различья
Блудилища, дворца и кабака.
Царицы коронуются на царство
По похоти гвардейских жеребцов.
Пять женщин распухают телесами

На целый век в длину и в ширину.
Россия задыхается под грудой
Распаренных грудей и животов.
Ее гноят в острогах и в походах,
По Ладогам, да по Рогервикам.
Голландскому и прусскому манеру
Туземцев учат шкипер и капрал.
Голштинский лоск сержант наводит палкой;
Курляндский конюх тычет сапогом;
Тупейный мастер завивает души;
Народ цивилизуют под плетью
И обучают грамоте в застенке...
А в Петербурге крепость и дворец
Меняются жильцами, и кибитка
Кого-то мчит в Березов и в Пелым...
...Минует век и мрачная фигура
Встает над Русью : форменный мундир,
Бескровные щетинистые губы,
Мясистый нос, солдатский узкий лоб,
И взгляд неизреченного бесстыдства
Пустых очей из-под припухших век.
У ног ее до самых бурых далей
Нагих равнин — казарменный фасад
И каланча : ни зверя, ни растенья...
Земля судилась и осуждена.
Все грешники записаны в солдаты.
Всяк холм понизился и стал, как плац.
А надо всем солдатскою шинелью
Провис до крыш разбухший небосвод.
Таким он был написан Джоржем Доу —

.

Граф Алексей Андреич Аракчеев.
Он вырос в смраде Гатчинских казарм,
Его познал, вознес и всколил Павел.
« Дружку любезному » вставлял клистир
Державный мистик тою же рукою,
Что иступила посох Кузьмича
И сокрушила силу Бонапарта.
Его посев взлелеял Николай,
Десятки лет удавьиными глазами
Медузивший засеченную Русь...

А между тем от голода, от мора,
От поражений, как и от побед,
Россию прет и вширь и в даль безмерно;
Ее сознание уходит в рост,
На мускулы, на поддержанье массы,
На крепкий тяж подпружных обручей.
Пять виселиц на Кронверкской куртине
Рифмуют на Семеновском плацу;
Воле в Тифлис волочат « Грибоеда »,
Отправленного на смерть в Тегеран;
Гроб Пушкина ссылают под конвоем
На розвальнях в опальный монастырь;
Над трупом Лермонтова царь : « Собаке
Собачья смерть » придворным говорит;
Промозглым утром бледный Достоевский
Горит свечей, всходя на эшафот...
И все тесней, все гуще этот список.

Закон самодержавия таков.
Чем царь добрей, тем больше льется крови,
А всех добрей был Николай Второй,
Зиявший непристойной пустотою
В сосредоточьи гения Петра.

Санкт-Петербург был скроен исполином.
Размах столицы был не по плечу
Тому, кто стер блистательное имя.
Как медиум, опорожнив сосуд
Своей души, притягивает нежить —
И пляшет стол, и щелкает стена —
Так хлынула вся бестолочь России
В пустой сквозняк последнего царя;
Желвак От-Су, Ходынка и Цусима,
Филипп, Папюс, Гапонов ход, Азеф...

Тень Александра Третьего из гроба
Парижский вызывает некромант;
Царице примеряют от бесплодья
В Сарове чудотворные штаны.
Она, как немка, честно верит в мощи,
И в чудеса, и в преданный народ...
И вот со дна самой крестьянской гущи —
Из тех же недр, откуда Пугачов, —
Темнобородый, с оморощным взглядом —
Идет Распутин в государев дом,
Чтоб честь двора и церкви и царицы
В грязь затоптать мужицким сапогом
И до низов ославить власть цареву.
И все быстрее, все круче чертогон...
В Юсуповском дворце на Мойке — старец,
С отравленным пирожным в животе,
Простреленный, — грозит убийце пальцем :
« Феликс, Феликс! царице все скажу »...

Раздутая войною до отказа,
Россия расседается, и год
Солдатчина гуляет на просторе...
И где-то на Урале среди лесов

Латышские солдаты и мадьяры
Расстреливают царскую семью
В сумятице поспешных отступлений...

.

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить
Склонениям и нравам вопреки
За сотни лет к ее грядущим далям.
Не то мясник, а может быть, ваятель,
Не в мраморе, а в мясе высекая
Он топором живую Галатею,
Кромсал ножом и шваркал лоскуты.
Строителю необходимо сручье.
Дворянство было
Опричниною, гвардией, жандармом,
И парником для ранних овощей.
Но, наскоро его стесавши, невод
Закинул Петр в морскую глубину.
Спустя сто лет иными рыбаками
На невский берег был вытащен улов.

В Петрову мрежь попался разночинец,
Оторванный от родовых корней,
Отстоенный в архивах канцелярий —
Ручной Дантон, домашний Робеспьер, —
Бесценный клад для революций сверху.
Но просвещенных принцев испугал
Неумолимый разум гильотины.
Монархия извергла из себя
Дворянский цвет при Александре Первом,
А семя разночинцев при Втором.

Не в первый раз без толка расточали
Правители созревшие плоды :
Боярский сын, долбивший при Тишайшем
Вокабулы и вирши, — при Петре
Служил царю армейским интендантом.
Отправленный в Голландию Петром
Учиться навигации, вернувшись,
Попал не в стать галантностям цариц.
Екатерининский вольтерианец
Свой праздный век в деревне пробрюзжал,
Ученики французских эмигрантов,
Детьми освобождавшие Париж,
Сгноили жизнь на каторге в Сибири...
Так шиворот на выворот текла
Из рода в род разладица правлений.
Но ныне рознь таила смысл иной :
Отвергнутый царями разночинец
Унес с собой рабочий пыл Петра
И утаенный пламень революций :
Книголюбивый Новиковский дух,
Горячку и озноб Виссариона.

От их корней пошел интеллигент.
Его мы помним слабым и гонимым,
В измятой шляпе, в сношенном пальто,
Сутулым, бледным, с рваною бородкой,
Страдающей улыбкой и в пенсне,
Прекраснодушным, честным, мягкотелым,
Оттиснутым, как точный негатив
По профилю самодержавья : шишка,
Где у того кулак, где штык — дыра,
На месте утвержденья — отрицанье,
Идеи, чувства — все наоборот,
Все « под углом гражданского протеста ».

Он верил в Божие небытие,
В прогресс и в конституцию, в науку,
Он утверждал (свидетель — Соловьев),
Что человек рожден от обезьяны,
А потому — нет большие любви,
Как положить свою за ближних душу.

Он был с рожденья отдан под надзор,
Посажен в крепость заперт в Шлиссельбурге,
Судим, ссылаем, вешан и казним,
По каторгам — по Ленам, да по Карам...
Почти сто лет он проносил в себе —
В сухой мякине искру Прометея,
Собой вскормил и выносил огонь.

Но пасынок, изгой самодержавья —
И кровь кровей, и кость его костей —
Он вместе с ним в циклоне революций
Размыкан был, растоптан и сожжен...

: : : : : : : : : : : : : :
: : : : : : : : : : : : : :

Есть дух истории — безликий и глухой,
Что действует помимо нашей воли,
Что направлял топор и мысль Петра;
Что вынудил мужицкую Россию
За три столетья сделать перегон,
От берегов Балтийских до Аляски.
И тот же дух ведет большевиков
Исконными народными путями.

Грядущее — извечный сон корней :
Во время революций водоверти
Со дна времен взмывают старый ил
И новизны рыгают стариною.

Мы не вольны в наследии отцов,
И вопреки бичам идеологий
Колеса вязнут в старой колее :
Неверы очищают православье
Гоненьями и вскрытием мощей,
Большевики отстраивают стены
На цоколях разбитого Кремля,
Социалисты разлагают рати,
Чтоб год спустя опять собрать в кулак.
И белые и красные Россию
Плечом к плечу взрывают как волны —
В одном ярме — сохой междоусобья,
Москва сшивает снова лоскуты
Удельных царств, чтоб утвердить единство.
Истории потребен сгусток воли :
Партийность и программы — безразличны.

* * *

Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами

Ключья тумана вблизи... вдалеке...
Быстро текут очертанья.
Лампу Психеи несу я в руке —
Синее пламя познания.

В безднах скрывается новое дно.
Формы и мысли смешались.
Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.

(1909)

* * *

Сердце острой радостью ужалено,
Запах трав и колокольный гул.
Чьей рукой плита моя отвалена?
Кто запор гробницы отомкнул?

Небо в перьях — высится и яснится...
Жемчуг дня... Откуда мне сие?
И стоит собор — первопричастница
В кружевах и белой кисее.

По речным серебряным излучинам,
По коврам сияющих полей,
По селеньям, сжавшимся и скученным,
По старинным плитам площадей —

Вижу я — идут отроковицами
В светлых ризах, в девственной фате,
В кружевах, с завешенными лицами,
Ряд церквей — невесты во Христе.

Этим камням, сложенным с усилиями,
Нет оков и нет земных границ!
Вдруг взмахнут испуганными крыльями
И взовьются стаей голубиц.

ЗАКЛИНАНИЕ О РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Сорок день опостыясь,
Встану я помолясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота,
Утренними тропами,
Огневыми стопами,
Во чисто поле,
На бел-горюч камень.

Стану я на восток лицом,
На запад хребтом,
Оглянусь на все четыре стороны,
На семь морей,
На три океана,
На семьдесят семь племен,
На тридцать три царства,
На всю землю Святорусскую.

Не слышать людей,
Не видать церквей,

Ни былых монастырей :
Лежит Русь разоренная,
Окровавленная, опаленная;
По всему Полю Дикому
Великому
Кости сухие, пустые,
Мертвые, желтые,
Саблей сечены,
Пулей мечены,
Коньми топтаны.

Ходит по Полю Железный Муж,
Бьет по костям
Железным жезлом :
« С Четырех сторон,
С четырех ветров
Дохни дух,
Оживи кость ».

Не пламя гудит,
Не ветер шуршит,
Не рожь шелестит, —
Кости шуршат,
Плоть шелестит
Жизнь разгорается...

Как с костью кость сходится,
Как плотью кость одевается,
Каждой жилой плоть зашивается,
Как мышцей плоть собирается,
Ты встань, Русь, подымись,
Оживи, соберись, срастись,
Царство к царству, племя к племени.

Кует кузнец
Золотой Венец,
Обруч кованый :
Царство Русское собирать,
Сковать, заклепать,
Крепко-на-крепко,
Туго-на-туго,
Чтоб оно, Царство Русское,
Не рассыпалось,
Не расплавилось,
Не расплескалось...

Чтобы мы его, Царство Русское,
В гульбе не разгуляли,
В пляске не расплясали,
В торгах не расторговали,
В словах не разговорили,
В хвастанье не расхвастали.

Чтоб оно, Царство Русское,
Рдело, зорилось
Жизнью живых,
Смертью святых,
Муками мученых.

Будьте, слова мои, крепки и лепки,
Сольче соли, жгучей пламени.

Слова замкну,
А ключи в море-океан опущу.

23. 7. 1919 г.

* * *

Русь! Встречай роковые години :
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печерских церквей.
Все, что было — повторится ныне,
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне :
В небе Бог, на земле — Богатырь.

НА БАШНЕ СМЕРТЬ

Вьются ввысь прозрачные ступени.
Дух горит и дали без границ.
Здесь святых сияющие тени,
Шелест крыл и крики белых птиц.

А внизу глубоко в древнем храме
Вздох земли подьемлет лития.
Я иду алмазными путями
Жгут ступени соборов острия.

Под ногой сияющие грозди —
Пыль миров и пламя белых звезд...
Вы миры — вы огненные гвозди,
Вечный дух распявшие на крест.

Разорвись завеса в темном храме!
Разомкнись лазоревая твердь.
Вот она, — как Ангел над мирами,
Факел жизни — огненная смерть!

БИБЛИОГРАФИЯ

Тексты взяты из следующих источников :

Стенькин суд — « Современные записки » (общественно-политический и литературный журнал), Париж, кн. IV, 1921 г. стр. 89.

Дмитрий Император — там же, стр. 92.

Святая Русь — там же, стр. 95.

Ангел мщенья — « Демоны глухонемые », Книгоиздательство писателей, II издание, Берлин, 1923 г., стр. 12.

Россия — там же, стр. 14.

Мир — там же, стр. 19.

Из бездны — там же, стр. 20.

Русь глухонемая — там же, стр. 21.

Родина — там же, стр. 24.

Преосуществление — там же, стр. 40.

Ангел времени — там же, стр. 37 (Это стихотворение было напечатано под названием « Европа » с некоторыми разночтениями в выше указанных « Современных записках »).

Северовосток — « Стихи о терроре », Книгоиздательство писателей, Берлин, 1923 г., стр. 7.

- Гражданская война — там же, стр. 10.
Терминология — там же, стр. 12.
Красная весна — там же, стр. 13.
Бойня — там же, стр. 15.
Террор — там же, стр. 17.
На дне преисподней — там же, стр. 18.
Готовность — там же, стр. 19.
Заклятие — там же, стр. 20.
Потомкам — там же, стр. 21.
Дикое поле — « Наши дни » (Художественные альманахи), Москва, Госиздат, Кн. I, 1922 г., стр. 113.
Бегство — там же, стр. 117.
Россия (фрагменты неоконченной поэмы) — « Недра » (Литературно-художественные сборники), Москва. Издат. « Мосполиграф », кн. 6, 1925 г., стр. 71.
Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо — Markov, Vladimir and Sparks, Merrill, *Modern Russian Poetry* (Новая русская поэзия). The Bobbs-Merril Company, Inc., New York, 1967, pp. 500.
Сердце острой радостью ужалено — Тимофей А. Березний, « Жемчужины русского поэтического творчества », Нью Йорк, Издание О-ва Друзей, 1964 г., стр. 250.
Закливание о русской земле — Перепечатано без изменений с первого издания этого сборника, стр. 17.
Русь — там же, стр. 59.
На башне смерть — там же, стр. 55.

